

Софи Н.

СЕРЕНА

18+

Софи Н. Серена

<https://litres.ru/73865854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла украсть его сокровище. Вместо этого он украл её сердце.

Серена Вейл, лучшая воровка Карсхайма. Она умеет становиться невидимкой взламывать любые замки и никогда не оставляет следов. Её единственная слабость, проклятие, из-за которого солнечный свет сжигает её заживо. Вечная ночь стала её тюрьмой, и она готова на всё, чтобы вырваться на свободу.

Когда таинственный заказчик предлагает сделку, проникнуть в Ночной Двор эльфов и украсть древний артефакт в обмен на снятие проклятия, Серена не раздумывает. Но она не учла одного: король Каэлан Вирмарис знает о каждом её шаге.

Восемьсот лет он правит своим сумрачным королевством. Восемьсот лет его называют Несвязанным эльфом, у которого нет истинной пары, а значит, нет слабостей. Пока в его дворце не появляется дерзкая человеческая воровка, от которой его магия сходит с ума.

Теперь он не намерен её отпускать.

«Ты моя тейр'ан'ара, — говорит он. — Моя истинная пара».

Софи Н. Серена

Глава 1

Влажный ночной воздух обжигал легкие солью и гнилью, но Серена давно научилась не замечать подобные мелочи. Плащ, вымоченный в отваре теневого папоротника и высушенный под безлунным небом, превращал ее в еще одну тень среди тысяч теней Карсхайма, города, который сам по себе являлся шрамом на теле мира, где человеческая алчность ежедневно сталкивалась с холодным высокомерием древних рас.

Она перебралась через низкую стену особняка торговца Меррика, ощущая под пальцами знакомое покалывание магических защелок. Те послушно поддавались, когда беглянка вливала в них толику собственной силы, разрывая связи. Серена Вейл не была простой воровкой, промышляющей по карманам пьяниц и кошелькам зевак. Обученная магесса давно сделала тени верными слугами.

В руке она сжимала древний свиток, завернутый в кожу ската. Он ощущался под пальцами словно чье-то бьющееся сердце. Это было тем, за что заплатили столько золота, что хватило бы купить половину «Кривого Ножа» со всеми его

тараканами и постояльцами, но сейчас воровке было не до подсчетов прибыли. Адреналин гнал кровь по венам, заставляя сердце биться где-то в горле, пока фигура в плаще бежала по пустым улицам, укрытая пологом тьмы.

За пятнадцать лет карьеры у нее не случилось ни одного провала. Репутация ценилась дороже любого золота, потому что репутация — это единственная валюта, которую невозможно украсть и подделать. Потеряй ее и клиенты уйдут к другим, а ты останешься гнить в канаве, как десятки воров до тебя.

Опускаясь на брусчатку заднего переулка, Серена отпустила заклинание. Тени отступали неохотно, словно верные псы, не желающие покидать хозяйку, и снова превращались в обычные грязные пятна под ногами. Затем она натянула капюшон ниже, пряча лицо.

Солнце для нее было куда более опасным врагом, чем все стражники Карсхайма вместе взятые.

Уже скоро начнет светать. Небо на востоке едва заметно серело, у беглянки оставалось не больше часа, чтобы добраться до убежища. Она не могла находиться под прямыми лучами дольше нескольких минут, виной тому проклятие, наложенное в детстве каким-то безумным колдуном, которому крупно задолжал ее никчемный отец. Отца Серена не помнила, только его трусливо ссутуленную спину, исчезающую в дверном проеме, и запах дешевого эля. А вот проклятие помнилось прекрасно: стоило попасть под солнечные

лучи, кожа начинала плавиться, словно масло, покрываясь волдырями и язвами. Боль была такая, будто обливают кипящей смолой.

Всё, что уготовано ее грешной душе, вечная ночь.

Она искала способ снять проклятие вот уже двенадцать лет. Тратила состояния на книги, артефакты, шарлатанов и настоящих магов. Но пока безрезультатно. Колдун, наложивший его, либо мертв, либо прятался так хорошо, что даже тени не могли его отыскать.

Воровка свернула за угол, ноздри наполнил знакомый запах: мочи и плесени, заставляя желудок сжиматься. Таверна «Кривой Нож» выглядела так же убого, как и всегда: побитая дверь, криво висящая на петлях, скрипучие ступени, звуки ругани и грохот кружек из подвала. Над входом раскачивалась на ветру ржавая вывеска, каждый раз Серена удивлялась, что та еще не упала кому-нибудь на голову. Как бы отвратительно ни выглядело это место, она всё равно считала его своим домом. Единственным домом, который когда-либо был.

Магесса быстро поднялась по задней лестнице на третий этаж, стараясь не привлекать внимания. Доски стонали под ногами. Ее комната была тесной, с одним окном, которое всегда завешивалось плотной черной тканью. Здесь пахло пылью и лавандой, последнюю она рассыпала по углам, чтобы отпугивать насекомых и заглушать общую вонь.

Как только дверь захлопнулась и была заперта на три за-

сова, пришло понимание: она здесь не одна.

Магические нити, почти незаметные сигнальные ловушки, которые всегда заблаговременно оставлялись, оказались нарушены. Кто-то оборвал их, войдя внутрь. Женщина замерла, как мышь, и прислушалась. Краем уха улавливалось чужое дыхание.

— Ты опоздала, — гаркнул знакомый голос, напряжение мгновенно отступило.

Слава всем богам, это всего лишь старый Торвин.

Серена неспешно развернулась, рука привычно легла на рукоять кинжала у пояса. Торвин сидел на единственном стуле, с подломленной ножкой, которую подпирала стопка книг. Старый полуэльф сутулился, кряхтел и хрустел костями при каждом движении, его скелет давно готов был рассыпаться на части и держался вместе только из упрямства.

Полукровка был худым как труп. В глазах с вертикальными зрачками, выдающими эльфийскую кровь, можно было заметить легкое беспокойство и нетерпение. Ему насчитывалось около ста тридцати: по человеческим меркам, глубокий старик, по эльфийским же, едва переступивший порог зрелости мужчина. Торвин застрял где-то посередине, подобных ему до конца не принимал ни один народ, ни человеческий, ни эльфийский.

Сегодня посетитель выглядел еще хуже, чем обычно. И без того серая кожа превратилась в бледное полотно, руки тряслись так сильно, что старый знакомый едва удерживал

стакан с дешевым самогоном, мутным пойлом, которое Гретта варила в подвале. По слухам, оно могло прожечь дыру в железном котле. Торвин прикладывался к нему при каждом удобном и неудобном случае, но сейчас это выглядело странно. С ним явно что-то происходило.

— У меня были сложности с герметикой, — ответила хозяйка комнаты, не убирая руку с кинжала. — И почему ты здесь, Торвин? Мы договаривались передавать вещи в твоей хижине. До назначенного времени еще пара часов.

Тот сделал глоток, поморщился так, будто проглотил живую жабу, и поставил стакан на стол. Стакан звякнул о древесину, в тишине этот звук казался неприлично громким.

— У нас появился заказ, — полуэльф впервые поднял глаза. — По-настоящему серьезный заказ, Серена. Я пришел лично не из-за этой мелочовки, которую ты сперла у торговца Меррика.

Он замолчал на секунду, облизывая потрескавшиеся губы. Девушка заметила, как дрожит его нижняя челюсть.

— Наш новый клиент... он не из тех, кто любит ждать. И уж точно не из тех, с кем можно шутить.

Посетитель был настолько непривычно серьезен, что воровка невольно напряглась. За десять лет, что она знала Торвина, тот передавал заказы от самых разных персонажей: от убийц до коррумпированных магов, от демонов-полукровок до свергнутых лордов. Старый знакомый всегда был циничен, жаден и абсолютно невозмутим. Но сейчас... сейчас

в его глазах читалось что-то, чего никогда раньше не было видно.

Он боялся. По-настоящему боялся.

— Кто он? — спросила магесса.

Торвин молчал мучительно долго. Допил остатки самогона, поставил стакан вверх дном, дурная примета.

— Я не знаю, кто он, — наконец выдавил полукровка. — Но он знает о тебе.

Голос сорвался на шепот:

— Он знает о проклятии, Серена.

Холодок пробежал по позвоночнику. О проклятии не знал почти никто. Она скрывала его так же тщательно, как свое лицо. Даже Торвин узнал случайно, застав однажды на рассвете, когда не удалось вовремя спрятаться. Старик никогда не спрашивал подробностей, а девушка никогда не рассказывала.

Если этот заказчик знает... значит, он следил за ней. Это плохо, очень плохо.

— Что он хочет? — спросила Серена, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Он хочет одну вещь из Ночного Двора. Из дворца самого Короля эльфов.

Женщина хмыкнула, пытаясь скрыть нервный смешок.

— Ты сошел с ума. Ночной Двор — это не особняк торговца Меррика, набитый прогнившим серебром и поддельными самоцветами. Там стражи немерено. Магия такой си-

лы, которая мне даже не снилась. Это верная смерть, Торвин.

— Он обещает золото, — полуэльф подался вперед, и его старые глаза вспыхнули знакомым огнем жадности. — Много золота. Такую сумму, которая может обеспечить нас обоих на десять жизней вперед. Ты сможешь купить любой артефакт, нанять любого лекаря.

— Золото не снимет мое проклятие, — отрезала хозяйка комнаты.

— Нет, — кивнул посетитель и полез дрожащими пальцами во внутренний карман засаленного камзола. Достал маленький пергаментный свиток, перевязанный черным шнуром и запечатанный воском. — Но он обещает кое-что еще.

Торвин положил свиток на стол между ними.

— Информацию. О способе снять твое проклятие.

Она посмотрела на свиток и почувствовала, как что-то сжимается в груди.

— Если ты выполнишь заказ, — заговорил старик тихо, — мы сможем покинуть эту унылую, провонявшую зловонием дыру. Уехать куда-нибудь на юг, где тепло и чисто. Как бы ты себя ни убеждала в обратном... мои старые глаза ты обмануть не сможешь, Серена. Это место давно опостылело тебе. Ты заслуживаешь лучшего... Ты всегда заслуживала лучшего.

Воровка внимательно изучила печать. На ней изображался странный символ: звезда, поглощенная тенью. Очевидно, что это ловушка. Слишком хорошие условия, чтобы быть правдой...

Но мысль о возможности выйти на улицу днем. Увидеть солнце, почувствовать его тепло на лице, не корчась от боли, не ощущая, как плавится кожа... Это желание было настолько сильным, настолько всепоглощающим, что почти парализовало давно потерявший надежду разум.

— Где назначена встреча? — спросила магесса.

Торвин облегченно вздохнул.

— Зброшенный храм Мардора. На границе леса, сегодня в полночь.

Он с кряхтением поднялся, колени щелкнули, как ломающиеся ветки. На мгновение лицо полуэльфа смягчилось, морщины разгладились, и Серена увидела призрак того, кем тот был когда-то.

— Послушай меня, Серена, — старый знакомый подошел ближе, положил дрожащую руку ей на плечо. От него пахло самогоном и потом. — Если почувствуешь, что что-то не так... беги. Не оглядывайся, не раздумывая, просто беги. Я хоть и жаден до денег, до золота и до всего блестящего... но ты мне... ты мне как дочь. Та, которой у меня никогда не было и не будет.

Старик неловко похлопал девушку по плечу, отвернулся и пошел к двери. По пути привычно прихватил сегодняшний улов, за которым она охотилась всю ночь.

— Береги себя, девочка, — бросил он через плечо. — Береги себя.

Дверь с щелчком закрылась, и Серена осталась одна.

Она села на край кровати, с продавленным матрасом и выцветшим одеялом. Усталость навалилась на плечи свинцовым плащом. Женщина не спала двое суток, готовясь к краже у Меррика, тело требовало отдыха. Без промедления Серена провалилась в сон. Глаза она открыла только когда на небе сгустились сумерки. Лежала расслабленная после сна и обдумывала предложение Торвина.

Решение было принято быстро, возможно, слишком быстро, но выбора особо не оставалось, если хотелось освободиться от этой ноши и хоть раз погреться под лучами солнца.

Магесса отодвинула кровать, нашла нужную доску в полу, с едва заметной царапиной в форме полумесяца. Под ней находился тайник. Наружу были извлечены несколько артефактов: камень отражения, способный отразить одно смертельное заклинание; мешочек с порошком слепоты, алхимическая смесь, выжигающая глаза; и два отравленных шипа.

Всё было спрятано по карманам и тайным отсекам сапог. На стене оставлена магическая метка. Если хозяйка не вернется через три часа после полуночи, метка вспыхнет и даст знать Торвину, что всё пошло не по плану.

Путь к храму Мардора занял около часа. Она шла пешком, обходя главные улицы, держась теней и переулков. Карсхайм ночью был совсем другим городом, нежели днем. Днем здесь шумели торговцы, кричали зазывалы, дрались пьяницы и патрулировали стражники в потускневших кольчугах. Ночью же город принадлежал подобным ей: бандитам, ворам и

отщепенцам.

Пока воровка шагала, в памяти всплывала история места, куда предстояло прийти. Легенда гласила, что Мардор был богом торговли и воровства, странное сочетание, если задуматься, хотя, если честно, довольно логичное. Его храм забросили несколько веков назад, когда люди стали молиться более «чистым» богам, тем, кто не запятнан ассоциациями с тeneвым ремеслом. Говорили, Мардор разочаровался и ушел, то ли в другой мир, то ли просто растворился в забвении, как все забытые боги.

Руины стояли на холме за чертой города, где заканчивались трущобы и начиналась свободная земля. Они были обвиты колючим кустарником с шипами длиной с палец. Словно сама природа пыталась защитить храм от любого, кто осмелится приблизиться к этому гиблому месту.

Воздух здесь был сухим, несмотря на близость моря. Пахло пылью и тленом. Как перед грозой, когда небо наливается свинцом и воздух начинает потрескивать от напряжения.

Серена вошла в центральный зал, освещенный мертвенно-белым светом луны. Крыша давно обрушилась, и лунные лучи падали прямо на пол, усеянный обломками черепицы. Стены покрывал мох, поглощающий звуки шагов. В центре возвышался каменный алтарь из черного гранита, с выщербленными краями и полустертыми символами на боках.

Именно там, в тени алтаря, она почувствовала чужое присутствие.

— Ты пришла.

Голос прозвучал прямо в голове. Воровка остановилась, напрягая все чувства. Рука скользнула к поясу. Она была готова атаковать или же бежать.

— Покажи себя. — Голос звучал увереннее, чем она себя чувствовала.

Тьма над алтарем начала двигаться.

Она закручивалась в спираль, мерцая точками света, словно осколки звезд попали в черный водоворот. Форма менялась стремительно быстро: то вытягивалась вверх, обретая подобие фигуры, то распадалась на клочья дыма.

Это был не человек и точно не эльф. Это... это был сгусток чистой энергии, древней как само забвение.

— Я — Оракул Сумерек. Я — то, что было до начала времен. Я наблюдал, как рождались звезды и как умирали миры.

Аура этого существа давила на магессу, словно та стояла на дне океана и вся толща воды наваливалась сверху.

— И вы хотите, чтобы я украла для вас безделушку? — спросила девушка с напускной дерзостью.

Сущность приблизилась. От нее исходил холод, проникающий под кожу.

— Это не просто безделушка. Это Слеза Вечерней Звезды. Кристалл, содержащий частицу первозданной магии ночи. Он находится во дворце Короля эльфов Ночного Двора, Каэлана Вирмариса. В Башне Сумерек, в самом сердце его силы.

— Зачем он вам? — спросила Серена, хотя понимала, что честного ответа не получит.

— Восстановление равновесия.

Ответ был туманным, как и ожидалось. Оракул продолжил:

— Мир изменился. Границы истончились. Ткань реальности рвется в местах, которые смертные не могут увидеть. Мне нужна сила, чтобы удержать ее. Без Слезы Каэлан Вирмарис ослабнет, а его власть пошатнется.

Она слушала и понимала: это не просто кража — это удар по самому правителю эльфов.

— Почему я? — спросила женщина. — У вас такая сила. Почему бы не взять ее самому?

Оракул задумчиво замолчал. Когда он снова заговорил, в его голосе слышалось что-то похожее на досаду.

— Я не могу пересечь границу их земель. Защита, которую эльфы Ночного Двора выстраивали тысячелетиями, сжигает все чуждое природе леса. Но ты...

Внимание существа сфокусировалось на госте.

— Ты человек, живая плоть и кровь, но все же несешь в себе тьму. Ты можешь пройти там, где не пройдут подобные мне.

Сущность протянула то, что отдаленно напоминало руку, конечность, сотканную из теней, с длинными пальцами, тающими на концах. В центре ладони лежал серебряный медальон с черным камнем в оправе. Камень мерцал, словно

внутри него была заперта крошечная звезда.

— Возьми. Это позволит тебе пройти через их барьеры. Но будь осторожна...

Оракул сделал паузу, и воровке показалось, что голос стал серьезнее.

— Король Каэлан не обычный правитель. Он один из сильнейших магов среди эльфов. За восемьсот лет своего правления он не проиграл ни одной битвы на своей территории. Он видит то, что скрыто, чувствует то, что другие не способны. Не недооценивай его.

Она осторожно взяла медальон. Тот был обжигающе холодным, холод проникал сквозь перчатки, впивался в пальцы, словно ледяные иглы. Когда украшение было надето на шею и спрятано под одежду, холод слегка отступил, но не исчез полностью. Теперь он станет постоянным спутником, ледяным напоминанием о сделке, заключенной с существом, чьи истинные намерения скрыты во тьме.

— Когда мне отправляться? — спросила магесса, понимая, что уже слишком поздно отступать.

— Через две недели в Ночном Дворе состоится праздник Лунного Солнцестояния. Он длится три ночи и два дня, и в это время границы между мирами становятся тоньше. Во дворец допускают чужаков, торговцев, дипломатов, искателей благосклонности. Это твой единственный шанс.

Сущность начала таять, растворяясь в воздухе. Форма тереяла очертания, превращаясь в клочья дыма, уносимые вет-

ром.

— Проникни во дворец. Найди Башню Сумерек. Забери Слезу. Принеси ее мне. И ты получишь то, что хочешь. Сможешь без страха ступить под солнечные лучи и увидеть рассвет.

Последние слова прозвучали едва слышно:

— Помни, Серена Вейл. Тени наблюдают за тобой. Вздумаешь предать меня... я не позволю тебе жить даже под светом луны.

Она осталась одна в руинах, сердце бешено колотилось, медальон пульсировал на груди ледяным холодом. Если она справится... если сможет выйти днем на улицу и поднять голову к небу... Это стоило любого риска.

Следующую неделю Серена провела в лихорадочной подготовке. Нужно было знать всё о Ночном Дворе: о его стенах, стражах, магии и Короле. Карсхайм — это место, где можно купить любую информацию, если знать, к кому обратиться.

Первым делом воровка навестила Жирного Гоба.

Его логово находилось в нижней части порта, там, где каналы сточных труб сливались с морем, образуя густую, маслянистую жижу. Гоб был опытным контрабандистом, торгующим эльфийским вином и редкими специями. Он протаскивал товары через границу уже тридцать лет, и если кто-то знал тайные тропы в эльфийские земли, так это он.

Она нашла толстяка за прилавком в полутемной лавке, насквозь пропитанной сыростью и его дешевым парфюмом с

совершенно неуместным сладким запахом. Гоб сидел на табурете, который жалобно скрипел под его весом, и отсчитывал монеты толстыми, похожими на сосиски пальцами.

— Серена! — ухмыльнулся он, показывая желтые зубы. — Какая честь! Что привело тебя к старому доброму Гобу? Хочешь вина из виноградников Ночного Двора? У меня есть бутылка тысяча триста сорок пятого года, настоящая драгоценность!

— Мне нужна информация, Гоб.

Посетительница кинула на прилавок мешочек с золотом. Тот призывно зазвенел, глаза контрабандиста моментально округлились. Он схватил мешочек, откусил шнурок зубами и заглянул внутрь.

— О! О-о-о! — причмокнул толстяк, пересчитывая монеты взглядом. — Это другой разговор! Совсем другой разговор! Что ты хочешь знать, красавица?

— Всё о защите дворца. О стражах, их силах и слабостях. Расписание патрулей, что происходит внутри. Всё.

Гоб нахмурился. Жирные щеки задрожали, когда он покачал головой.

— Слушай, милая... Я вожу туда вино, иногда шелк, пару раз даже редкие благовония. Но я никогда, слышишь, никогда не сую нос в их дела. Там... — он понизил голос, оглядываясь, хотя они были одни, — там происходят по-настоящему странные вещи. Вещи, которые мы, простые люди, не в силах осознать. Я видел... я видел, как тени в их стенах хо-

дят сами по себе. Отрываются от предметов и... двигаются. А камни... истошно кричат, если на них наступить, аж жуть берет.

Контрабандист замолчал и машинально потер правое предплечье. Рукав слегка задрался, и магесса увидела широкий шрам, пересекающий кожу от запястья до локтя. Шрам был старым, но всё еще багровым, с неровными краями, выглядел как след от магического ожога, причем такого мощного, что даже спустя годы не побелел.

— Откуда это у тебя, Гоб? — спросила она.

Тот вздрогнул и поспешно одернул рукав.

— Да так... — отвел взгляд толстяк. — По глупости в молодости сунулся, куда не просили. Думал, раз я контрабандист, то и вором смогу заделаться. Забрался в одно место в Ночном Дворе... — он сглотнул. — Зачарованные звери просто вцепились в меня, раздирая своими острыми зубами мою плоть, если бы не подоспел один из эльфов стражи, я ему по гроб жизни обязан, меня бы там и... С тех пор я туда только по делу и только с сопровождением. И тебе советую: не лезь в их земли.

Жирный Гоб, вечно трясущийся над каждой монетой, когда-то пытался воровать у эльфов, это вызывало невольное уважение.

— Золото, которое я так любезно тебе дала, — посетительница положила руку на кинжал, — останется у меня, если ты не начнешь говорить. Прямо сейчас.

Контрабандист нервно облизал губы. Капля пота стекла по лбу, исчезая в складках шеи.

— Хорошо, хорошо! Слушай. Дворец охраняют не обычные солдаты... их называют Теневые-стражи. Они не живые, но и не мертвые. Они чувствуют страх и злой умысел. Если придешь с плохими мыслями, почуют за милю. А еще...

Гоб наклонился ближе, женщина постаралась не дышать, запах от него был удушающий.

— Есть Ловушки Намерений. Магия, вплетенная в сами стены. Она читает твои мысли. Если уловит враждебность, перенесет прямиком в бездну. Люди просто исчезают, никто не знает, что там, в этой бездне, но доподлинно известно, что никто еще не возвращался.

— Как их обойти?

— Не знаю! — всплеснул руками толстяк. — Я же сказал! Я не лезу в их дела! Но... — он прищурился, — я слышал, что в ночь Солнцестояния охрана ослабляется. Границы открыты для гостей. Теневые-стражи становятся... менее настороженными, что ли. Может быть, тогда у тебя есть шанс.

— А что насчет их Короля? — спросила воровка. — Что ты знаешь о Каэлане?

Гоб побледнел, вся краска сошла с лица, оставляя болезненную серость.

— Каэлан Вирмарис, — произнес он имя так, будто тот мог его слышать. — Король Ночи. Правит восемьсот лет, с того самого дня, как демоны убили его отца. Говорят, он

после этого вырезал тысячу демонов собственными руками. Один!

Контрабандист сглотнул.

— Он... жестокий, но справедливый. У него нет жены, нет детей и наследников. Эльфы называют его «несвязанным». Говорят, его душа одинока, и это делает его еще сильнее и опаснее. Потому что ему нечего терять.

Толстяк порылся под прилавком и достал свернутый кусок кожи, испещренный линиями и пометками.

— Вот карта, нарисована углем, так что не мочи ее. Здесь показан секретный ход от подземных источников к одному из задних входов дворца. Его используют для поставок... ну, того, что не должно проходить через главные ворота. Это всё, что у меня есть. Больше я ничем помочь не могу.

Серена забрала карту, спрятав за пазуху.

— Если кто-то спросит, мы не разговаривали, — сказала она, направляясь к выходу.

— Мы никогда не разговариваем, — нервно рассмеялся Гоб. — Удачи, Серена. Тебе она понадобится. Вся удача этого вонючего мира.

Следующий визит предстояло нанести Ведьме.

Та жила на самой границе леса, там, где находился небольшой клочок земли, не принадлежащий ни людям, ни эльфам. Хижина стояла под старым дубом, укрытая от посторонних глаз завесой из высушенных шкур и тряпья. Стены обвивал плющ, а крышу покрывал мох, из трубы поднимался дым,

пахнувший травами.

Ведьма знала о проклятиях больше, чем любой маг в Карсхайме. Говорили, старуха сама была проклята когда-то давно, так давно, что уже и не помнила.

Магесса подошла к дому, чувствуя, как воздух густеет. Запах сушеных трав забивал ноздри. На крыльце качался старый стул, и в нем сидела хозяйка.

Ведьма, ее кожа напоминала кору дуба: темная, покрытая узорами морщин. Волосы белые и спутанные, похожие на паутину, падали до самого пояса. Глаза были закрыты, но девушка знала, что старуха чувствует присутствие гости.

— Ты пахнешь тьмой, девочка, — произнесла ведьма скрипучим голосом, не открывая глаз. — Тьмой и сильным, давним отчаянием.

— Мне нужна информация о Короле эльфов, — сказала посетительница, остановившись на почтительном расстоянии. — О Каэлане Вирмарисе.

Старуха открыла один глаз, мутный и белесый.

— Одиночество, — начала напевать она, покачиваясь в кресле, мелодия была странно красивой. — Одиночество, его проклятие. Каэлан Вирмарис ищет свою половину уже тысячу лет. Без нее он холоден, как лунный свет. Его глупые приспешники считают, что в отсутствие своей пары он сильней, ведь она бы стала его слабостью. Но мое мнение таково: с ней... — ведьма сделала паузу, — с ней он был бы еще могущественнее.

— Оракул Сумерек хочет украсть его силу, — сообщила воровка. — Слезу Вечерней Звезды.

Ведьма перестала качаться. Оба глаза открылись, один из них был полностью черным.

— Оракул... — произнесла она это слово так, что оно оставляло горький привкус на языке. — Он хочет нарушить баланс. Слеза не просто источник силы, девочка. Это своеобразный якорь, она держит Каэлана привязанным к этому миру. Если ее забрать... — старуха покачала головой, — Каэлан сойдет с ума, не в силах справиться с одиночеством и тяжестью долголетия.

Хозяйка хижины замолчала, ее черный глаз, казалось, заглядывал глубже, чем хотелось бы гостю.

— Ты носишь его метку, — сказала ведьма вдруг. — Оракула. Я чувствую его холод на тебе.

Серена невольно коснулась груди, где под одеждой висел медальон.

— От него не так просто избавиться, — продолжила старуха. — Он щедро тебя одарит, но заберет вдвое больше. Уже-то знаю... — лицо ведьмы исказилось мимолетной болью, словно та вспомнила что-то, что хотела забыть навсегда. — Будь осторожна с его дарами. Они всегда имеют непомерную цену, о которой ты узнаешь слишком поздно.

— Мне всё равно, — ответила она, хотя холод медальона внезапно показался тяжелее. — Мне нужно снять свое проклятие.

Ведьма посмотрела на посетительницу.

— Всё связано, — снова запела старуха, тон ее завываний стал выше. — Нити судьбы сплетаются в узлы. Ты идешь к Королю, чтобы украсть его якорь, но можешь найти свой собственный. Тьма узнает тьму. Одиночество узнает одиночество. Будь осторожна, девочка. Ночь не прощает ошибок... но иногда дарит то, о чем ее не просили.

Хозяйка порылась в складках одежды и достала маленький флакон с мутной жидкостью.

— Выпей это перед тем, как войдешь во дворец. Это скроет твой человеческий запах. Эльфы чувствуют людей так же, как мы чувствуем... — она ухмыльнулась, показывая черные десны, — ...нечистоты. Это даст тебе несколько дней.

Магесса забрала флакон, пряча в карман.

— Чем я должна заплатить?

— Ты уже заплатила, — ответила ведьма, снова закрывая глаза. — Иди, девочка. И помни: не всё, что предлагает тьма, стоит брать.

Она ушла, чувствуя на себе взгляд старухи, холод медальона под одеждой казался невыносимым.

Вернувшись в Карсхайм, женщина заперлась в своей комнате и начала главную работу.

Времени оставалось немного. Нужно было стать кем-то другим. Не Сереной Вейл, воровкой из таверны «Кривой Нож», с проклятием на плечах и кровью на руках, а леди, уважаемой и утонченной. Кем-то, кого без подозрений впу-

стоят во дворец Ночного Двора.

Она достала фальшивые документы, купленные несколько лет назад на черном рынке. Выбрала имя: Элайра Вэнс. Дочь торговца редкими тканями с границы, где человеческие земли соприкасались с эльфийскими. Достаточно далеко, чтобы никто не мог проверить, и достаточно близко, чтобы объяснить отсутствие эльфийского акцента.

Но одних документов было мало. Эльфы чувствуют ауру, видят магическую сущность так же ясно, как люди видят лица. Требовалось изменить свою, переписать магический отпечаток.

Три дня девушка работала над заклинанием маскировки. Самым сложным в ее жизни. Оно должно было не просто изменить цвет глаз или форму ушей, а переписать саму сущность, переплестись с чужеродными нитями. В него были вплетены фрагменты эльфийской магии, украденные из артефактов много лет назад, тогда она не знала, зачем они понадобятся, но всегда собирала всё, что могло пригодиться.

Процесс оказался безумно болезненным. Он ощущался так, будто кто-то вгоняет раскаленную иглу под кожу, сшивая заново изнутри. Женщина кричала в подушку, кусала губы до крови, но продолжала. К концу третьего дня, глядя в мутное зеркало, Серена увидела новую себя.

Высокую женщину с острыми чертами лица и глазами цвета индиго. Уши слегка заострены, не так сильно, как у чистокровных эльфов, но достаточно, чтобы сойти за полу-

кровку. Кожа бледная, с легким серебристым отливом. Отлично. Пока надет перстень, в который вплетена эта магия, никто не признает ту, кем она являлась на самом деле.

Оставшееся на подготовку время ушло на тренировки. Нужно было научиться ходить, как они, плавно, неторопливо. Говорить с теми же интонациями, паузами и ритмом. Эльфы неспешный народ, и их манера речи им под стать. Легенда о семье повторялась, пока не стала рассказываться во сне: отец-торговец, погибший в море три года назад; мать-полуэльфийка, умершая при родах; воспитана в монастыре на границе; это первое самостоятельное путешествие в Ночной Двор, чтобы наладить торговые связи.

Время неумолимо двигалось вперед, и вот наступила ночь отъезда.

Серена неспешно собрала вещи. Кинжал с рукоятью из кости василиска, способный пробить любую магическую защиту. Порошок слепоты в кожаном мешочке. Флакон Ведьмы и медальон Оракула, который носился под одеждой, за благовременно накинув на него магию сокрытия. Его холод стал привычным, но воровка старалась не думать о том, что украшение, возможно, следит за каждым ее шагом.

Она вышла из таверны, не оглядываясь.

Торвин стоял в тени, привалившись к стене. Он ничего не сказал, только кивнул на прощание. В его глазах читалось беспокойство, которое старик пытался скрыть за привычной маской цинизма.

Магесса кивнула в ответ и пошла дальше.

Путь к лесу был долог. Она шла вдоль побережья, где волны бились о скалы, создавая белый шум, заглушающий мысли. Воздух становился чище с каждым шагом, гарь и грязь Карсхайма оставались позади, уступая место запаху хвои, мха и ночных цветов. Небо над головой было усыпано звездами, такими яркими, каких никогда не было видно в городе.

Поднявшись на холм, с которого открывался вид на эльфийские земли, девушка замерла.

Это был не просто лес. Это было настоящее буйство природы, совсем другой мир.

Деревья здесь были огромны, их стволы широки, как дома, а кроны тянулись к звездам, будто хотели до них дотянуться. Но самое главное — лес не был погружен во тьму, как привыкла она. Он светился. Голубоватое сияние исходило от каждой травинки, листа и капельки росы. Это была магия жизни.

Вдали, в сердце этого сияния, возвышался Ночной Двор.

Это был не просто замок, а настоящее произведение искусства, выточенное из белого камня и лунного света. Башни взмывали в небо, словно иглы, соединяя землю со звездами. Стены отливали серебром, окна горели теплым золотистым светом. Самая высокая башня, Башня Сумерек, стояла в центре, и ее вершина терялась в облаках.

Мощь этого места ощущалась даже отсюда, с границы. Она давила на женщину, древняя магия, которая не терпела

чужаков.

Серена достала медальон Оракула. Черный камень вспыхнул, отвечая на близость границы, тусклый огонек в его глубине разгорелся ярче. Она сделала глубокий вдох, поправила маскировку. Проверила, на месте ли документы, флакон и кинжал. Спешно открыла флакон с Ведьминым зельем и выпила.

Первый шаг в лес был сделан.

Тени вокруг зашевелились, приветствуя родственную душу. Воровка шла дальше, оставляя мир людей позади.

Деревья расступались. Ветки не цеплялись за одежду, корни не путались под ногами. Чувствовалось, как зелье Ведьмы растекается по венам, скрывая человеческий дух. Теперь она была эльфийкой или почти эльфийкой. Оставалось надеяться, что подготовка окажется достаточной, чтобы обмануть стражей.

Впереди виднелись ворота, огромные, украшенные серебряными узорами. Они были красивы и пугающи одновременно. За ними, мост через ров, наполненный туманом, скрывающим что-то в своей глубине.

У ворот стояли стражи. Двое мужчин в серебряных доспехах, с длинными мечами у пояса и пустыми, нечитаемыми лицами. Их серебристые глаза словно смотрели сквозь нее, видя обман и страх.

Беглянка выпрямилась, подняла голову. Надела маску уверенности, всем видом показывая, что имеет право быть

здесь.

Элайра Вэнс, дочь торговца с границы. Полуэльфийка, выросшая в монастыре. Одинокaя путешественница, ищущая свое место в мире.

Шаг вперед был сделан. Игра началась, пути назад не было. Где-то глубоко под сердцем ледяной медальон Оракула пульсировал в такт шагам, напоминая о сделке, которую предстояло исполнить.

Глава 2

Стражи смотрели на Серену, она смотрела на них. Несколько секунд тянулись как вечность.

Один из них протянул руку с длинными изящными пальцами. Женщина передала ему свиток с пергаментом и тяжелой восковой печатью. Эльф разорвал печать одним движением, изучил содержимое, а затем поднял глаза на гостью. Он искал что-то, за что можно ухватиться, страх, трепет или еще что-то неестественное, но находил лишь скучающее лицо Элайры, выражение которого было так тщательно отрепетировано перед зеркалом.

— Проходите, леди Вэнс, — страж отступил, указывая внутрь жестом руки. — Слуги проводят вас.

Она едва заметно кивнула, с небрежным превосходством, и переступила порог.

Первый барьер пройден. Документы были подделаны мастерски, но магия эльфов коварна. Если бы они усомнились

хотя бы на секунду, внутренности гостыи сейчас украшали бы каменные плиты у ворот. Но она оказалась внутри, в логове зверя.

Дворец изнутри поражал воображение еще сильнее, чем снаружи. Коридоры выточены из белого камня, который светился изнутри мягким лунным светом, хотя самой луны не было видно. Потолки уходили в темноту, теряясь где-то среди резных балок, переплетенных живыми ветвями деревьев. Магические фонари парили в воздухе без видимой опоры, заливая всё вокруг голубоватым сиянием, не отбрасывающим резких теней. Здесь царил вечный вечер, волшебное время, когда день уже ушел, но ночь еще не наступила.

Ирония судьбы не ускользнула от Серены. Она пришла красть у Короля эльфов, совершить преступление против его дома, но именно его королевство было единственным местом в мире, где воровка могла бы жить свободно. Ходить с открытым лицом, не бояться рассвета и не прятаться, как крыса, в темных углах.

Девушка отогнала эту мысль, заставляя себя сосредоточиться. Она находилась здесь, чтобы выполнить то, за что заплатят.

Молодой эльф-слуга с лицом настолько красивым, что оно казалось нереальным, провел гостью через лабиринт коридоров. Он двигался бесшумно, словно призрак, и женщина старалась запомнить каждый поворот. На случай непредвиденных ситуаций.

Южное крыло, в которое ее определили, оказалось удаленным от личных покоев короля, но достаточно близко к главным залам, чтобы не вызывать подозрений. Комната больше походила на роскошные апартаменты: высокие потолки, огромные окна, выходящие на внутренний сад, мебель из темного дерева, украшенная серебряной инкрустацией. Кровать под балдахином, а на стенах висели гобелены с изображением лунных фаз.

Слуга поклонился с безупречной грацией и бесшумно исчез.

Как только дверь закрылась, она позволила себе выдохнуть. Упала на кровать, чувствуя, как напряжение последних дней немного отпускает. Руки и ноги казались ватными, а голова пустой. Серена лежала и смотрела в потолок, позволяя себе минуту слабости.

Потом, как бы ни хотелось отдохнуть подольше, пришлось подняться. Работа только начиналась.

Следующий день прошел в медленных прогулках по дворцу и старательном изображении праздной гостьи, которой нечем заняться до начала торжеств.

Магесса надела самое простое платье из гардероба, темно-синее, с серебряной вышивкой по краю, достаточно скромное, чтобы не выделяться среди пестрой толпы, но достаточно изящное, чтобы не вызывать подозрений. Волосы были заплетены в строгую косу, как носят женщины с пограничных земель.

Она бродила по галереям, останавливалась у окон, делала вид, что любит виды, запоминала каждую деталь, поворот коридора, подмечала ниши, где можно спрятаться в случае провала. Намечала самый короткий путь к башне.

Дворец оказался настоящим лабиринтом, созданным, чтобы сбивать с толку незваных гостей. Коридоры вели в никуда, заканчиваясь глухими стенами или внезапными обрывами над внутренними дворами. Лестницы словно меняли направления, водя кругами. Женщина дважды поднялась по ступеням, уверенная, что идет вверх, и оказывалась этажом ниже. Окна показывали виды, которых не могло быть: за одним бескрайний океан, за другим заснеженные горы, хотя дворец находился в сердце леса.

Но Серена запоминала не только архитектурные ловушки. Она считала шаги между патрулями стражи. Замеряла время их появления: четырнадцать минут между сменами у восточного крыла, двенадцать у западного. Отмечала, где стоят стационарные посты, а где стражники ходят по маршруту. Искала слепые зоны в магическом освещении.

Башня Сумерек, цель всего путешествия, возвышалась в самой старой части дворца.

Воровка увидела ее из сада, когда остановилась на балюстраде, делая вид, что любит цветы. Служанка принесла чай в тонкой фарфоровой чашке, и гостя медленно пила его, позволяя взгляду блуждать по окрестностям. Словно она просто убивала время.

Башня не походила на остальные строения дворца. Ее камень был почти черным, словно впитавшим в себя все тени за тысячелетия существования; он не светился изнутри, как стены дворца. Он поглощал свет, создавая вокруг себя ореол густой, почти осязаемой тьмы. Башня казалась живым существом, готовым пробудиться в любой момент.

Подойти к ней незамеченной было невозможно. Подходы к Башне охраняли не обычные эльфы, а те самые, о которых говорил Жирный Гоб, Теневые-стражи.

Они не имели четких форм — это были сгустки темной энергии, движущиеся вдоль стен с неестественной, пугающей плавностью. У них не имелось ни глаз, ни лиц, ни чего-либо, за что мог бы зацепиться взгляд. Это была живая магия, реагирующая на намерения и эмоции. Если она подойдет к Башне с мыслями о краже, они почувствуют это.

Девушка коснулась медальона на груди, скрытого под тканью платья, черпая из него крупицу уверенности.

Собственная магия теней могла помочь. Можно было попытаться слиться с ними. Стать еще одной тенью среди теней. Пройти сквозь их ряды, но это колоссальный риск. Если они почувствуют чужеродную магию в своем потоке, то не просто поднимут тревогу. Они уничтожат нарушительницу мгновенно.

Дворец наполнялся гостями, с каждым часом их становилось всё больше.

К вечеру коридоры, еще утром казавшиеся пустыми, пре-

вратились в реки шелка, бархата и драгоценностей. Прибывали посланники из человеческих королевств, напыщенные лорды в расшитых камзолах, их жены в платьях с невозможно длинными шлейфами. Появлялись гномы с Железных гор, коренастые, бородатые и шумные. Проходили мимо представители лесных кланов, дикие эльфы в одеждах из листьев и коры, с татуировками на лицах.

Гул голосов на десятках языков наполнял залы. Запахи благовоний, духов и еды смешивались с магией в пьянящий коктейль.

Это было хорошо: хаос праздника — лучшая маскировка. В толпе, полной музыки и смеха, один лишний силуэт в тени не будет замечен.

Но это и плохо. Слишком много глаз и опытных магов, которые могли почувствовать резонанс заклинаний. Много существ с обостренными чувствами, способных уловить фальшь в ауре, если потерять бдительность хотя бы на секунду.

Серена старалась не выходить из образа и провела первый приветственный вечер с бокалом в руке, вежливо переговариваясь с каждым, кто подходил. Приглашения на танец вежливо отклонялись она ссылаясь на усталость после долгой дороги, и, как только наступил момент, когда покидать банкет уже было прилично, удалилась.

В ту ночь она впервые увидела его.

Король Каэлан Вирмарис появился в дальнем конце зала,

весь шум и движение вокруг словно замерли на мгновение. Он был высок даже для эльфа, его фигура излучала сдержанную смертоносную грацию, которая присуща хищникам, отдыхающим перед охотой. Серебристые волосы струились назад, обнажая высокий лоб и острые, как лезвие, скулы. Одежда из черного бархата с серебряной вышивкой, напоминающей ледяные узоры морозного утра, сидела безупречно на широких плечах.

Но страшнее всего были его глаза. Цвета расплавленного серебра, они светились слабым внутренним светом, который, казалось, видел тебя насквозь, смотрел в самую душу и проникал в потаенные страхи.

Их взгляды встретились всего на долю секунды. Этого хватило, чтобы сердце пропустило удар, замерло, а затем забилось с такой силой, что отдалось болью в ребрах. Она отвела взгляд первой, делая вид, что заинтересовалась узором на своей перчатке. Когда же снова посмотрела в его сторону, король уже отвернулся, беседуя с каким-то лордом, на его лице не осталось и тени того интереса, который почудился.

Наверное, показалось.

На следующее утро разбудил стук в дверь. Служанка, молодая эльфийка с серебристыми волосами, заплетенными в тугой узел, сообщила, что сегодня в полдень состоится Стрельба Теней — одно из главных состязаний праздника Лунного Солнцестояния. Все гости приглашены наблюдать, а некоторые, даже участвовать.

— Его Величество будет присутствовать, — добавила она, и ее щеки слегка порозовели. — Это большая честь увидеть его мастерство. Говорят, он не проигрывал в Стрельбах уже триста лет.

Гостья поблагодарила и отпустила служанку, а сама начала обдумывать возможности. Дневное мероприятие, отличный шанс изучить гостей, понять расстановку сил и, возможно, узнать что-нибудь полезное.

К полудню Серена спустилась к Восточным садам, где была устроена площадка для состязаний. Огромное поле, окруженное живыми изгородями из кустарника и уставленными мишенями, сгустками теней, которые двигались, меняли форму и пытались уклониться от стрел. Участники были в основном эльфы, но она заметила и пару гномов с арбалетами, и одного человека в одеждах северного наемника.

Зрители рассаживались на увитых цветами скамьях, слуги разносили прохладительные напитки. Женщина выбрала место с краю, откуда хорошо просматривалось поле и королевская ложа.

— Вы не участвуете? — раздался рядом мелодичный голос.

Она повернулась и увидела эльфийку примерно своего возраста. У той были теплые карие глаза, редкость среди эльфов, а волосы цвета меди свободно спадали на плечи. Одежда незнакомка была богато, но без излишней помпезности, улыбалась искренне, без фальши, которую она уже привыкла

видеть у местных аристократов.

— Боюсь, мои таланты лежат в иной плоскости, — ответила Серена с легкой улыбкой. — Я Элайра Вэнс, с пограничных земель.

— О, пограничье! — глаза эльфийки загорелись интересом. — Я леди Элайра Наррен. — Она рассмеялась, заметив удивление собеседницы. — Да, у нас одинаковые имена. Какая забавная случайность! Вы, должно быть, из тех Вэнсов, что торгуют тканями? Я слышала о вашей семье, ваш шелк с лунным отливом ценится даже при дворе.

Магесса кивнула, мысленно благодаря судьбу за то, что выбрала легенду, имеющую реальную основу. Леди Элайра оказалась дружелюбной и совершенно не похожей на тех холодных аристократок, что смотрели на нее накануне как на пустое место.

Они болтали о пустяках, пограничье, ткани, предстоящих торжествах. Новая знакомая рассказала, что праздник продлится три ночи и два дня: первая ночь, Бал Открытия, затем день Стрельб, вторая ночь, Танец Серебряных Лун, и, наконец, третья ночь, Закрытие, когда, по легенде, можно увидеть истинную пару в отражении Лунного озера.

— Конечно, это всего лишь красивая сказка, — эльфийка пожалала плечами, но в ее глазах Серена заметила мечтательный блеск. — Хотя говорят, что Его Величество никогда не пропускает Танец Серебряных Лун. Может быть, он всё еще верит, что найдет свою Тейр'ан'ара.

Теир'ан'ара — истинная пара. Ведьма упоминала это, а теперь и Элайра. Кажется, для эльфов это нечто большее, чем просто легенда.

Внезапно по толпе пробежала волна оживления. На поле вышел Каэлан.

На нем был простой черный камзол без украшений, волосы собраны в низкий хвост. В руках он держал лук, черный, как обсидиан. Король не смотрел на зрителей и не играл на публику. Просто поднял лук, и первая мишень, сгусток тьмы размером с человеческую голову, начала метаться по полю с невероятной скоростью.

Каэлан выпустил стрелу. Она изогнулась в воздухе, следуя за мишенью, и вонзилась точно в центр. Толпа взорвалась аплодисментами.

Он выпустил еще пять стрел, одну за другой. Каждая находила свою цель, как бы та ни пыталась уклониться. Последняя мишень была самой сложной: она не просто двигалась, а телепортировалась, исчезая и появляясь в разных концах поля. Каэлан закрыл глаза. Толпа замерла. Он поднял лук, прицелился в пустоту и выпустил стрелу. Та полетела прямо в точку, где мишень появилась через долю секунды, и пронзила ее насквозь.

Серена смотрела за каждым его движением, не в силах отвести взгляд. Это было абсолютное, пугающее совершенство мастерства. Он действительно видел то, что скрыто.

Если король хоть на секунду заподозрит, кто она такая на

самом деле, всё кончено.

— Впечатляет, не правда ли? — прошептала Элайра. — Говорят, он талантлив в стрельбе с юношества.

После выступления короля наступил перерыв. Зрители расходились, обсуждая увиденное, слуги разносили закуски. Леди Наррен потянула собеседницу к фуршетному столу, продолжая щебетать о каких-то пустяках, и Серена почти расслабилась, но внезапно почувствовала на себе тяжелый взгляд.

Она обернулась и встретила глазами с высоким эльфом в темно-зеленом камзоле. У него были резкие черты лица, тонкие губы искривлены в едва заметной усмешке, а глаза цвета темного серебра смотрели с нескрываемой неприязнью.

— Лорд Талор, — шепнула Элайра, и в ее голосе послышалось предупреждение. — Один из советников Его Величества. Очень влиятелен и очень не любит новые лица.

Лорд Талор медленно подошел к ним, толпа вокруг расступалась, давая ему дорогу.

— Леди Вэнс, — произнес он, и голос его прозвучал как скрежет металла о камень. — С пограничья, насколько я понимаю. Должно быть, вы чувствуете себя... неудобно в столь высоком обществе.

Она выдержала его взгляд, не отводя глаз.

— Напротив, лорд Талор. Я нахожу Ночной Двор весьма гостеприимным. Его Величество явно умеет выбирать го-

стей.

На его скулах проступили желваки. Он явно не ожидал, что какая-то полукровка с границы осмелится ответить дерзостью.

— Гостеприимство — добродетель, которой не следует злоупотреблять, — произнес он наконец. — Наслаждайтесь праздником, леди Вэнс. Но помните: не всем, кто приходит в Ночной Двор, здесь рады.

Советник развернулся и ушел, оставляя после себя неприятное ощущение.

— Ты сошла с ума, — шепнула Элайра. — Талор один из самых опасных эльфов при дворе. Он ненавидит людей и полукровок, а в особенности тех, кто, по его мнению, «не знает своего места». Будь осторожна.

— Я запомню, — ответила воровка, в голове уже крутились мысли о том, что Талор может стать проблемой. Если он начнет копать, легенда может не выдержать.

Вечером она вернулась в свои покои.

Усталость не отпускала ни на секунду. Дверь была заперта на все замки, наложено простое, но надежное заклинание тишины, чтобы никто не мог подслушать. Серена направилась к кровати и в ужасе замерла посреди комнаты. На белоснежной подушке лежал цветок.

Черная орхидея, лепестки бархатистые на вид, глубокого черного цвета, как безлунная ночь, с едва заметной фиолетовой каймой по краю. Она лежала так аккуратно, что это не

могло быть случайностью. Кто-то положил ее сюда для гостии.

Девушка знала этот цветок, читала о нем. Черная орхидея не росла нигде, кроме личных садов королевской семьи Ночного Двора. Они охранялись мощнейшей магией, такой, что даже птицы не могли пролететь над ними без дозволения. Доступ к этим садам имели только Каэлан Вирмарис, его ближайшие родственники и приближенная свита. Это точно не могло быть простым приветственным подарком, принесенным служанкой.

Она не слышала, чтобы кто-то входил. Заклинание на двери не было нарушено, оно осталось нетронутым. Печать на замке, оставленная утром, не сломана.

Значит, цветок появился здесь как-то иначе. Телепортация сквозь защитные чары дворца? Это требовало силы, которой обладали единицы.

Кто это мог быть? Точно один из тех, кто имел доступ к королевским садам и не боялся нарушить покой гостя дворца. Кто-то, кто знал или подозревал, что она не та, за кого себя выдает.

Король? Сегодня на Стрельбах он ни разу не взглянул в ее сторону или она просто не заметила? Его мастерство... Если он что-то заподозрил, зачем ему эти игры? Мог бы просто приказать арестовать.

Может быть, Талор? Его неприязнь очевидна, но стал бы он предупреждать цветком, а не прямым доносом?

Женщина взяла цветок, чувствуя ледяной холод лепестков. Орхидея ничем не пахла, от нее веяло пустотой и властью. Властью того, кто мог дарить такие цветы. Она сжала стебель, пока тонкие шипы не впились в ладонь. Острая боль прогнала страх. Кровь выступила на коже, несколько алых капель упали на черные лепестки.

Серена аккуратно положила орхидею на прикроватный столик.

И в этот момент она почувствовала, как старый, знакомый до дрожи инстинкт самосохранения просыпается где-то в животе и тянет к окну. Нужно бежать. Бежать немедленно, не оглядываясь, пока еще можно. Он шептал: просто бери ноги в руки и растворяйся в тенях, пока они не сомкнулись за спиной. Это первое правило воровки, и она следовала ему неукоснительно, потому и была жива до сих пор, в отличие от десятков других, кто решил, что они умнее обстоятельств. Оракул подождет, свобода подождет, проклятие, в конце концов, тоже подождет. А вот если ее схватят здесь, то уже ничто и никогда не будет иметь значения. Девушка посмотрела на окно, за которым скрывался ночной сад, и ощутила, как тени снаружи зовут, манят, обещая спасение.

Она уже развернулась к окну, представляя, как ныряет в темноту, оставляя позади дворец, Короля, Слезу и всё это безумие, в которое сама себя втянула.

Но остановилась.

Потому что, помимо желания сбежать, в ней проснулась

злость и усталость от вечного бегства. Вся жизнь была чередой побегов. Она, Серена Вейл, лучшая воровка Карсхайма, превратилась в загнанную крысу, которая шарахается от каждой мнимой опасности. Если сбежать сейчас, то сбежать и от единственного шанса всё изменить. От шанса увидеть солнце и стать кем-то, кто имеет право ходить по земле при свете дня.

Нет, она пришла сюда за Слезой и не уйдет без нее. Пусть думают, что загнали в угол. Она не доставит им такого удовольствия. Доведет это дело до конца, даже если ради этого придется пройти по самому краю ножа.

Женщина начала методичный осмотр комнаты. Она не верила в случайности. Особенно здесь, в логове древней расы.

Прошла вдоль стен, касаясь каждого камня и узора на гобеленах. Пальцы выпускали тонкие, почти невидимые нити магии, которую воровка использовала для поиска ловушек и слежки. Искала чужеродные заклинания, вторжения в личное пространство, следы чужой воли.

Первое заклинание нашлось в люстре. Красивая и безобидная на вид, но один из кристаллов отличался от остальных.

Это было следящее заклинание: оно не записывало звуки, просто следило за передвижениями в комнате. Создавало карту поведения. Тот, кто это сделал, хотел знать, чем гостья занимается вдали от чужих глаз.

Она коснулась кристалла пальцем и направила в него тон-

кий поток собственной тьмы. Тот потускнел, превращаясь в обычный, мертвый осколок стекла.

Второе заклинание, которое удалось обнаружить, оказалось намного сложнее и опаснее.

Оно пряталось в зеркале, в серебряной оправе, покрытой тончайшей вязью рун, невидимых невооруженным глазом.

Это было заклинание намерения, коварная, изощренная магия. Оно сканировало сознание, считывая мысли. Не настолько сильное, чтобы окунуться глубоко, если человек бодрствовал, способное только на поверхностный анализ. Но если бы Серена не заметила его и провалилась в сон, эта мелочь смогла бы считать всё, что лежит в глубине сознания.

— Что за сволочь посмела это сделать? — пробормотала она себе под нос.

Если бы воровка подумала о краже, глядя в это зеркало, оно бы передало сигнал хозяину. Тогда шансы добраться до Башни упали бы до нуля.

Чтобы нейтрализовать заклинание, не разрушив зеркало и не подняв тревогу, пришлось вспомнить старый трюк, которому научила Ведьма с границы леса.

Магесса взяла гребень из слоновой кости, один из аксессуаров, предусмотрительно захваченных с собой провела им по поверхности стекла, нашептывая слова на мертвом языке. Отражение в зеркале застыло. На мгновение оно посмотрело чужими глазами, а потом потускнело и исчезло.

Заклинание сломалось с едва слышным звоном. Зеркало

снова стало просто зеркалом.

Она отступила, тяжело дыша. Руки неконтролируемо дрожали от осознания того, что только что чуть не произошло.

Пространство было проверено еще пару раз, и только когда женщина окончательно убедилась, что комната чиста, вздохнула с облегчением. Но орхидея на столике так и осталась лежать, будто дразня и показывая, какая же она дурочка.

Кто-то играл с ней.

Если бы они знали о задании, о Слезе и Оракуле, ее бы уже не было в живых. Значит, они подозревали, но еще не до конца уверены. Давали шанс совершить ошибку. Проявить нетерпение и выдать себя.

Холодок пробежал по спине. План, состоявший в том, чтобы ждать удобного момента, больше не работал. Если за ней следили, каждая минута промедления увеличивала шанс провала.

Действовать нужно было сегодня же. Во вторую ночь праздника, пока все гости будут заняты в Большом зале, внимание стражи окажется рассеяно между сотнями танцующих пар, вот он, шанс.

Серена нежно сорвала лепесток с орхидеи, растерла его между пальцами. Он превратился в мелкую пыль, пачкающую кожу. словно отметка судьбы.

— Хорошо, — прошептала она пустоте комнаты. — Если вы хотите поиграть, я не заставляю вас ждать.

Девушка открыла сундук с вещами и достала свой плащ. Он лежал на самом дне, спрятанный под платьями, приготовленными для личности Элайры. Они больше не понадобятся.

Она надела его, чувствуя, как знакомая невидимость окутывает тело. Ткань меняла плотность фигуры, делая ее размытой и нечеткой. Серена Вейл возвращалась. Элайра Вэнс оставалась в этой комнате.

Проверка карманов: набор отмычек из черненной стали, флакон с зельем на случай, если понадобится быстро исчезнуть, три метательных ножа с отравленными лезвиями, камень отражения заклинаний. Всё на месте, она готова.

Воровка посмотрела в зеркало, но увидела только размытый силуэт, едва различимый в полумраке.

Танец Серебряных Лун уже должен был начаться. У нее была всего одна попытка, чтобы добраться до Башни Сумерек, украсть Слезу Вечерней Звезды и исчезнуть.

Она вышла из комнаты, оставив дверь чуть приоткрытой. Если кто-то следит, он точно заметил, что его подарки убраны, пусть думает, что жертва еще внутри. Коридор пустовал, факелы отбрасывали пляшущие тени на стены, и женщина скользила между ними, становясь частью темноты.

Глава 3

Коридоры дворца тянулись перед ней бесконечной чередой арок и сводов, каждый шаг отзывался гулким эхом где-то

под потолками. В восточном крыле звенели хрустальные бокалы и струилась музыка, там кружились в танце разодетые гости, обмениваясь фальшивыми комплиментами и ядовитыми улыбками, но всё это великолепие Серену совершенно не касалось. Путь лежал в противоположную сторону, туда, где воздух пропитан не сладкими духами и игристым вином, а вековой пылью и застоявшейся древней магией.

Магия этого места бодрствовала даже сейчас, когда большинство обитателей дворца погрузились в праздничное веселье. Древняя сила ощущалась каждой клеточкой кожи легким покалыванием. Стены вокруг казались живыми, пропитанными веками эльфийского колдовства, и воровке постоянно чудилось, что они наблюдают за каждым ее движением. Голубоватые магические фонари парили под потолком без видимой опоры, заливая коридоры мертвенным сиянием, которое почти не отбрасывало глубоких теней. Для ее ремесла это было скверно, требовалась густая, плотная темнота, а здесь имелись лишь размытые полутени, в которых не спрячешься.

Атласные туфли полетели к стене, пусть кто-нибудь потом гадает, какая рассеянная дама потеряла обувь в северном крыле. Босые ступни в шелковых чулках ступали по холодному камню совершенно бесшумно, и это крошечное преимущество согревало сердце профессиональной воровки. Легкое заклинание отвода глаз окутывало фигуру едва заметным маревом, достаточным, чтобы чувствительный

эльфийский взор скользнул мимо, не зацепившись.

Медальон Оракула покоился на груди, пульсируя ледяным холодом в такт сердцебиению. Сегодня древний артефакт был особенно неспокоен, словно чувствовал направление мыслей и либо пытался предупредить о грядущей опасности, либо наслаждался нервозностью носительницы. Серена отогнала эти размышления, сейчас совершенно не время гадать, сколько сторон следят за ее действиями.

Северное крыло встретило запахом сырости. Ноги несли вперед. Поворот налево, еще один направо, узкая винтовая лестница увела вниз, пальцы скользили по шершавой стене, считывая едва заметные вибрации магических потоков, спрятанных в толще камня.

Кладовые пахли сушеными пряными травами и старым растрескавшимся деревом, но женщина прошла мимо закрытых дверей, не задерживаясь ни на мгновение. Что-то тянуло глубже, в самое потаенное нутро дворца, и она подчинялась этому зову без колебаний. Внезапно ноги замерли, камень под ладонью стал чуть теплее, чем полагалось стене в этом сыром подzemелье. Едва заметная разница в температуре, которую большинство людей никогда бы не почувствовали. Но она замечала такие вещи всегда, потому что именно из подобных мелочей складывалась разница между успешной и неудачной операцией.

Винный погреб открылся бесконечными рядами пыльных бутылок, густой аромат выдержанного эльфийского ви-

на ударил в ноздри с неожиданной силой. Цветочные ноты переплетались с едва уловимой благородной горчинкой, на мгновение Серена позволила себе представить, каково это пить подобный напиток из хрустального бокала в освещенном свечами зале, а не красться мимо него в поисках тайного хода. Продвижение между стеллажами требовало осторожности, меньше всего сейчас хотелось обрушить пирамиду столетнего вина и переполошить дворцовую стражу грохотом бьющегося стекла.

В самой глубине погреба, за стеллажами с древнейшими бутылками, обнаружилось искомое. Здешняя стена оказалась грубее остальных, камень не отполирован, как в парадных коридорах, а сохранил естественную шершавую текстуру. Ладонь прошла по холодной поверхности, и пальцы наткнулись на едва заметный шов, выдающий скрытый механизм. Удача, чистая удача. Нажатие в нужном месте и часть стены с тихим скрежетом отъехала в сторону, открывая узкий проход в крошечную темноту.

Ухмылка сама собой растянулась на губах магессы, когда та заглянула в проем. Этим ходом явно не пользовались десятилетиями, а может, и целыми веками, потому что паутина свисала с потолка серебристыми лохмотьями, словно погребальная вуаль. Липкие нити были смахнуты с лица с гримасой отвращения, и решительный шаг унес воровку внутрь, оставляя позади погреб с его пьянящими ароматами.

Потайная дверь закрылась за спиной, отсекая последние

отголоски далекой музыки и веселья. Теперь вокруг царила только темнота.

Из потайного кармана был извлечен светящийся кристалл, зажатый между пальцами и позволивший слабому голубоватому сиянию выхватить из мрака влажные стены, покрытые омерзительной слизью. Коридор уходил вглубь, девушка осторожно двигалась по нему, стараясь не касаться склизких поверхностей, ощущая, как с каждым шагом воздух становится гуще. словно сама Башня сопротивлялась продвижению, не желая пускать чужачку в свои глубины.

Пусть не желает, ее предпочтения никого не волновали.

В конце коридора поджидало первое серьезное препятствие. Древний узор из сияющих рун висел прямо в воздухе, перекрывая проход мерцающей завесой, пульсирующей враждебным алым светом. Сила, исходящая от этого магического барьера, была такова, что кожу покалывало даже на расстоянии нескольких шагов, одно неверное движение превратило бы взломщицу в горстку пепла быстрее, чем та успела бы что-то предпринять.

Тихий восхищенный присвист сорвался с ее губ, потому что работа действительно впечатляла.

Опустившись на корточки, Серена раскрыла набор инструментов. Тогда еще не понимала, зачем собирала этот арсенал, но интуиция редко указывала ложный путь.

Первый защитный слой оказался иллюзией, притворявшейся простеньким замком, рассчитанным на доверчивых

дилетантов. Щепотка толченого лунного камня рассыпалась перед ней, магический узор замерцал, пошел рябью и опал бессильным дождем искр, обнажая истинную структуру защиты. Сложная и многослойная, сплетенная с мастерством, способным напугать любого разумного взломщика.

Любого, но не ее.

Второй слой представлял собой ловушку, питающуюся жизненной энергией неосторожного похитителя. Коснешься незащищенной рукой, сердце остановится раньше, чем успеешь осознать. Временной контур из серебряной проволоки отвел смертоносный разряд в каменную стену, искры посыпались на пол горячим дождем, зашипели и погасли. Выступивший на лбу пот был вытерт тыльной стороной ладони, прежде чем двинуться дальше.

Третий слой оказался самым коварным, древняя магия времени и пространства, вплетенная в самую суть барьера. Она не просто преграждала путь, она пыталась проникнуть в разум, переписать воспоминания, заставить забыть, кто ты такая и зачем пришла. Чужая ледяная воля давила на сознание, нашептывая сладкую ложь о том, что всю свою жизнь ты была всего лишь служанкой на эльфийской кухне и твое единственное место в этом мире у раскаленной плиты, а не в запретном сердце Башни Сумерек.

Тихий злой смешок вырвался из груди магессы, эта уловка была слишком примитивна для той, кто пережила Карсхаймские трущобы.

Зубы стиснулись до боли в челюстях, и сознание уцепилось за образ солнца, которого она не видела много долгих лет. Оно жгло даже в воображении, выжигая чужую волю из разума, эта боль держала сознание на якоре лучше любого защитного амулета. «Попробуй еще раз, магическая тварь, — пронеслось в голове. — Я пережила вещи куда страшнее твоих жалких ментальных фокусов».

Минуты растягивались в часы, пальцы немели от пронизывающего холода, а сопротивляющаяся магия жгла кончики ледяными иглами. Тактика менялась на ходу, два заклинания соединились в одно, создавая резонанс, способный разорвать изнутри при малейшей ошибке в расчетах.

Но ошибок в этом ремесле не случалось.

С хрустальным звоном, похожим на звук дорогого бокала, разбивающегося о каменный пол, руны погасли одна за другой и осыпались прахом к ногам.

Протяжный выдох ознаменовал ее победу, только теперь Серена осознала, что всё это время была на волосок от провала. Руки подрагивали от напряжения, колени стали ватными, но она заставила себя подняться и шагнуть в открывшийся проход, где винтовая лестница уходила вверх, в самое сердце Башни Сумерек.

Узкие ступени, стертые подошвами бесчисленных ног за минувшие века, сменяли друг друга в бесконечной спирали. Подъем был медленным и бесшумным, малейший звук, способный выдать присутствие стражи, отслеживался. Где-то на

середине подъема воздух вокруг переменился, стал плотнее, холоднее, пропитался магией такой невероятной силы, что голова начинала кружиться от давления. Это место не просто охраняли заклинаниями и стражниками, оно само являлось живым существом, и сейчас непрощенная гостья находилась в его каменном чреве, пока еще не замеченная хозяином.

«Прекрасно, — подумала воровка. — Давно не выпадало настоящего вызова».

Теневые стражи возникли из ниоткуда, когда их меньше всего ожидали. Полупрозрачные бесформенные силуэты скользили вдоль стен с пугающей плавностью.

Мгновенно замерев, она спиной вжалась в холодный камень, превращая тело в еще одну неподвижную тень среди тысячи других. Сердце колотилось в груди так оглушительно, что его стук наверняка разносился по всему коридору, но у этих тварей не было ушей, только магическое чутье, способное уловить малейшую дрожь в ауре живого существа. Если позволить себе испугаться, они обнаружат в тот же миг.

Глаза закрылись, дыхание замедлилось. «Я — пустое место, часть окружающей тьмы, существовавшей здесь задолго до моего рождения и просуществующей еще долгие века после моей смерти». Плащ помогал, окутывая тело маскирующей магией, но главным оружием сейчас была собственная способность раствориться в небытии.

Один из стражей остановился совсем рядом, волна потустороннего холода прокатилась по коже, заставляя волосы

на руках встать дыбом. Существо приняховалось, если можно применить это слово к твари без носа. Щупальце сплетенной тьмы потянулось в сторону воровки, почти касаясь щеки, и женщина ощутила запах вечности, пустоты между звездами.

Три бесконечные секунды, каждая из них растянулась в вечность.

Страж отвернулся и поплыл дальше по своим непостижимым делам. Лишь когда звук его движения стих за дальним поворотом, Серена позволила себе выдохнуть и привалиться к стене, чтобы унять дрожь в ослабевших коленях. Всё тело тряслось от пережитого напряжения, но губы сами собой растянулись в торжествующей усмешке, только что были обмануты стражи Ночного Двора, и эти древние твари даже не заподозрили о ее присутствии.

Круглая комната под высоким куполом внезапно открылась перед воровкой, когда бесконечная винтовая лестница наконец закончилась. Потолок украшала мозаика из тысяч крохотных кристаллов, изображающих ночное небо во всем его великолепии, на мгновение показалось, будто она стоит под открытым небом, а не в запертой комнате древней башни. Даже циничная душа, повидавшая немало сокровищ и чудес, не могла не восхититься этим творением эльфийских мастеров.

Всё это великолепие было безусловно прекрасно, но сюда пришли за кое-чем куда более ценным.

В самом центре комнаты, на пьедестале из черного обсидиана, парила в воздухе Слеза Вечерней Звезды.

Древний артефакт оказался меньше, чем рисовало воображение, размером едва ли больше большого пальца, но внутри этого крохотного сосуда было заключено целое небо, сотканное из чистого света и первозданной магии. Слеза пульсировала мягким фиолетово-голубым сиянием, словно бьющееся сердце неведомого божества, этот свет заливал всю комнату, заставляя звезды на потолке казаться блеклыми жалкими подделками. За свою жизнь воровка держала в руках короны забытых королей, амулеты древних магов, ожерелья из драконьей чешуи, но ничего подобного этому чуду видеть не доводилось. Перед ней находилась не просто драгоценность а частица первозданной силы, существовавшей еще до того, как первые эльфы научились складывать слова в заклинания.

Магесса подошла ближе, изучая защитный барьер, окружавший пьедестал тонкой переливающейся сеткой из чистого света. Все цвета радуги сплетались в этой паутине, создавая самую сложную защитную систему из всех, с какими когда-либо приходилось сталкиваться. Магические слои переплетались между собой, накладывались друг на друга, образуя почти непроницаемую стену, способную остановить армию взломщиков.

Почти непроницаемую, потому что абсолютной защиты не существовало.

Наметанные глаза нашли узловую точку в нижней части барьера, там, где сетка света касалась обсидианового пьедестала. Крохотная брешь, совершенно незаметная для неопытного взгляда, но Серена видела ее так же отчетливо, как собственные пальцы. Обсидиановая игла была извлечена из набора, и работа началась.

Барьер вибрировал под ее прикосновениями, недовольный грубым вторжением в свою структуру. Разряды магии покалывали кончики пальцев, словно слабые удары электрических угрей, которых продавали на рынках портового квартала. Ледяной пот катился по спине, хотя в комнате стоял пробирающий до костей холод. Девушка не останавливалась ни на мгновение, продвигаясь миллиметр за миллиметром, нить за нитью разъединяя сложнейшие заклинания, и сияние барьера постепенно тускнело, проход становился шире.

Еще совсем немного, последние штрихи и величайшее сокровище Ночного Двора станет ее.

Дрожащая от предвкушения рука протянулась вперед, пальцы почти коснулись холодной поверхности Слезы Вечерней Звезды. Она ощущала притяжение всем телом, невероятную силу и безмолвное обещание исполнить любое желание. Свобода от проклятия, тепло солнца на коже, жизнь, которой никогда не было, но о которой мечталось каждую ночь на протяжении пятнадцати бесконечных лет.

— Я ждал тебя.

Голос за спиной прозвучал тихо, но для нее он был гром-

че грома. Неотвратимый приговор, которого она надеялась избежать.

Реакция последовала мгновенно. Разворот, кулак сжался, активируя дымовую бомбу, извлеченную из потайного кармана, одновременно с этим в сторону голоса полетел маленький шарик с ослепляющей вспышкой.

Дым густым серым облаком взорвался между ней и входом, наполняя комнату запахом серы и жженных трав. Слепящий свет вспыхнул, ослепляя любого, кто посмотрел в его сторону.

Рывок к запасному выходу, узкой арке в стене. Она рванула туда проклиная собственную самоуверенность. «Нужно было проверить комнату тщательнее, раскинуть сети, почувствовать его приближение. Но Слеза заворожила, отвлекла от главного — осторожности».

Воздух вокруг сгустился, стал твердым, как стекло. Магия перемещения. Он не просто догнал, он предвидел ее действия, прочитав намерения.

Из дыма грациозно выступила мощная фигура.

Каэлан Вирмарис стоял перед ней, блокируя выход. Дым и ослепляющий свет не стали для него помехой. Король находился в эпицентре хаоса, спокойный и величественный, словно не ловил преступницу возле самого важного артефакта Двора, а неспешно прогуливался по саду.

— Знаешь, — произнес он, и в его голосе прозвучала откровенная насмешка, — я видел представления и похуже,

но дымовая завеса? Оригинально. Обычно пытаются бежать, а ты решила устроить пожар в моей сокровищнице. Ценю творческий подход.

Он знал. Знал, что она придет сюда. Черная орхидея была не просто предупреждением, а приглашением в ловушку, подписанным с королевским изяществом.

Но страшнее всего были его глаза. В них больше не осталось того холодного и гордого серебра, что Серена видела ранее. Сейчас они горели темным бездонным огнем, поглощающим свет. Глаза хищника, загнавшего добычу в угол.

Женщина попыталась проскользнуть мимо, используя теневой шаг. Магия откликнулась мгновенно, растворяя тело в темноте, перенося на несколько шагов в сторону. Но его рука двинулась быстрее, чем она успела увидеть.

Пальцы сомкнулись на ее запястье. Хватка стальная, способная сломать хрупкие кости, но на удивление сдержанная. Он не намеревался причинять ей вред. Пока.

— Сбежать пыталась уже дюжина воров, — заметил Казлан с ленивой улыбкой. — Хочешь войти в историю как тринадцатая? Несчастливое число, между прочим. Я бы на твоём месте выбрал другую стратегию.

В момент прикосновения произошло невозможное. Его кожа обожгла ее разрядом чистой древней магии, которая ворвалась в нее, взрываясь под кожей, смешиваясь с кровью. Боль и узнавание пронзили насквозь.

Заклинание маскировки рассыпалось в прах. Перстень на

пальце, в который была вплетена магия иллюзии, раскалился и треснул, не выдержав силы его прикосновения. Образ Элайры Вэнс сполз, словно старая краска под проливным дождем.

Уши изменили форму, теряя эльфийскую заостренность. Глаза вернули свой настоящий цвет, серо-зеленый, цвет болотной воды. Кожа лишилась серебристого отлива, становясь обычной человеческой, бледной от жизни во тьме. Человеческие черты лица, скрытые чарами, всплыли наружу.

— Ну вот, — произнесла воровка, криво усмехаясь и глядя ему прямо в глаза. — Надеюсь, тебе нравится оригинал больше, чем подделка. Подделка, кстати, была очень даже ничего.

Она стояла перед ним словно обнаженная, без маски и защиты. Настоящая Серена Вейл. Человек, мелкая воровка, пойманная в его святыне за руку, посягнувшая на величайшее сокровище.

Каэлан смотрел на нее, и его глаза расширились. В его взгляде не было гнева или отвращения, которые она ожидала увидеть. Там плескалось изумление, шок. И что-то еще, от чего сердце начало учащенно биться, предвещая беду.

— Тейр'ан'ара, — произнес он.

Слово на древнеэльфийском, уже слышанное от Элайры. Оно резонировало внутри, заставляя вибрировать каждую клетку тела, отзываясь в самых потаенных уголках.

— Невозможно, — добавил король, и его голос, такой уве-

ренный секунду назад, дрогнул, ломая барьер напряжения между ними.

— О, отлично, — фыркнула Серена. — Я-то думала, ты скажешь что-то вроде «стража, в темницу ее». А тут какое-то эльфийское ругательство. Или это комплимент? Ты уж определись, Ваше Величество, а то я нервничаю.

Он потерял концентрацию. Хватка на мгновение ослабела, когда король погрузился в собственное сознание. Это был ее единственный шанс.

Думать было некогда. Свободная рука ударила его с размаху в горло, целясь в кадык, используя все навыки уличного боя, грязные приемы, которым учили в трущобах. Удар, предназначенный убить или хотя бы обездвижить, заставить его отпустить ее руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.